

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.

1752—1827.

§ XIX *).

Новый годъ 1771.

Въ новый годъ съѣхались въ домовую архіерейскую церковь въ обѣдни всѣ штатскіе чиновники и гражданство, а послѣ обѣдни были у преосвященнаго съ поздравленіемъ. Я для того новымъ годомъ начинаю, чтобы привязать къ нему слѣдующую нашего покроя повѣсть:

Всѣ архіереи имѣютъ обыкновеніе принимать въ новый годъ поздравительныя рѣчи отъ находящихся при нихъ ученыхъ людей и отъ учащагося юношества. Въ соблюденіе сего обыкновенія и нашему преосвященному были таковыя—говорены послѣ обѣдни, въ большомъ залѣ, при вышесказанной публикѣ, Кіевской академіи слушателемъ богословіи студентомъ Иваномъ Трипольскимъ, который былъ при братѣ архіерейскомъ инспекторомъ; студентомъ Василиемъ Садорскимъ, который обучалъ малыхъ пѣвчихъ латинскому языку, и нѣсколькими учениками. Но какъ между сихъ ^{нѣ} должно было, по очереди, говорить архіерейскому брату**), то онъ, сказавши нѣсколько словъ, пришелъ въ замѣшательство остановился на сихъ словахъ: «ваши святые подвиги», стараясь возбудить свою ^{свою} память снова: «ваши святые подвиги», борясь съ смятеніемъ, которое сильно имъ овладѣло, лишь началъ го-

*) См. «Русск. Стар.» т. III, 1871 г. стр. 119 и 247.

**) Петръ Флоринскій. Ему было 18 л. отъ роду.

«РУССКАЯ СТАРИНА», т. III, 1871 г. АПРѢЛЬ.

ворить въ третій разъ: «ваши святые подвиги», какъ вдругъ архіерей крикнулъ изо всей силы: «а ваши какіе?» Вся публика, не исключая и самыхъ стариковъ-купцовъ, не удержались отъ смѣха. А архіерей подъ это продолжалъ проповѣдническимъ громкимъ голосомъ: «и ты скотина, и тотъ осель, кто тебя училъ; поди, корова, ѣшь сѣно, видно что ты не за свое принялся дѣло».

Такимъ образомъ, братъ брата поздравя съ праздникомъ, увеселили публику больше, нежели всѣ риторическія студентскія привѣтствія. Однакожъ инспекторъ Трипольскій, будучи человѣкъ чувствительный, или малодушный, не выдержалъ публичной брани. Онъ бросился въ свой покой и тамъ, взвальясь на постель, питалъ цѣлый день глубокую задумчивость, безъ пищи и питья. Я, сжалясь надъ его чувствительностію, ослабилъ къ вечеру страданіе души его нѣсколькими рюмками вина и кускомъ жареной телятины. Онъ мнѣ былъ благодаренъ и сказалъ: «ты лучше умѣешь утѣшать, нежели мой ученикъ говорить рѣчи».

Между тѣмъ бывалъ я иногда у вышесказаннаго консисторскаго члена Иринарха Рудановскаго. Онъ тѣмъ ^{своей} сноше началъ со мной жить, что я, со вступленія моего въ новую должность, не управлялъ уже по конторѣ ставленическими дѣлами, почему всѣ мнѣ перестали завидовать, а стали бояться и искать моей дружбы, не для того, чтобы кто ею дорожилъ, и не для того, что я имѣю иногда честь тазы чистить, но для того, чтобы я, по обыкновенію архіерейскихъ фаворитовъ, не наушничалъ архіерею на виновныхъ и невинныхъ.

Къ намъ присталъ въ союзъ вышесказанный учитель латинскаго языка Садорскій, который вкрался къ Рудановскому въ полную дружбу, а на похвалу меня истощалъ краснорѣчіе всѣхъ латинскихъ авторовъ. Онъ, при всякомъ свиданіи, находилъ во мнѣ новое достоинство, коимъ имѣлъ охоту занимать свой панегирической языкъ. Иринарха онъ обыкновенно называлъ «отцемъ», а меня—«братомъ и другомъ». Теперь понятна вся наша родословная. Я иногда прерывалъ его, говорилъ ему, что онъ небрежно льститъ; но онъ умѣлъ насъ обоихъ увѣрить, что онъ говорилъ отъ чистаго сердца, безъ лести, почему и были иногда у насъ разговоры о преосвященномъ общи и откровенны, которые хотя ничего въ себѣ, кромѣ правды, не заключали, однакожъ тѣмъ нарушается всеобщій порядокъ правленія, если подчиненные ~~мо-~~

возьмутъ себѣ говорить о начальникахъ худо *). Чувствовалъ я нѣкоторое облегченіе, когда говорилъ съ человѣкомъ, охотно со мною, какъ казалось, раздѣлявшимъ мою горестъ.

Въ прибавку къ такому облегченію, показалъ я Рудановскому письмо, писанное преосвященному отъ синодскаго оберъ-секретаря Остолопова. Оно было отвѣтное на то, которымъ преосвященный изъяснялъ сдѣланную ему синодомъ несправедливость, когда многіе архіереи, будучи, по его мнѣнію, ниже его во всемъ, переведены на высшія, или лучшія епархіи, а онъ позабытъ или обойденъ. Остолоповъ отвѣтствовалъ ему: что «я хотя истинный вашему преосвященству другъ, но мое по синоду дѣло секретарское, почему и услужить вамъ, въ разсужденіи перемѣщенія, былъ не въ правѣ, да и впредь увѣрить не осмѣливаюсь» и проч. Письмо сіе увѣрило насъ, что намъ не остается надежды сбытъ съ рукъ святаго владыку и избавиться отъ его архипастырскаго ига. Сіе самое и было побужденіемъ къ показанію мною Остолопова письма Рудановскому.

Въ зрѣлѣхъ уже моихъ лѣтахъ, я самъ чувствую ошибки юныхъ моихъ лѣтъ, но нахожу неоспоримую истинною то, что и самаго опытнаго, пожилого можно испортить, если его всегда обижать.

Рудановскій вскорѣ послалъ въ синодъ прошеніе о переводѣ его на житѣе въ который-нибудь изъ малороссійскихъ монастырей. Скоро послѣдовалъ желаемый указъ съ помощію брата его, синодскаго секретаря Григорія Ивановича Рудановскаго, вслѣдствіе чего и отбылъ онъ подъ шумомъ громогласнаго ругательства нашего архипастыря къ епархіальному своему архіерею, кіевскому митрополиту, имѣвшему тогда пребываніе свое, какъ выше сказано, въ Гамалѣвскомъ монастырѣ.

Теперь, по всѣмъ правиламъ тогдашняго моего легковѣрія, подлежало мнѣ играть съ Садорскимъ дуэтъ, но онъ разсудилъ сыграть соло, какъ слѣдуетъ ниже.

Во единъ отъ дней примѣтилъ я, что архіерей мой пришелъ

*) Можетъ быть кто спроситъ: «когда ты можешь такъ разсуждать, такъ для чего же ты теперь пишешь о другихъ, забывая скромность?»

Отвѣтъ: «для того, что я теперь нахожусь въ качествѣ историка, который, по званію своему, долженъ трудъ свой украшать правдою, такъ какъ пѣтъ — ложью, а ораторъ — празднословіемъ».

съ работы изъ роши, съ весьма задумчивымъ лицомъ, которое мнѣ было тѣмъ замѣчательнѣе, что тогда не было новомѣсячія. Мое примѣчаніе увеличилось, когда я узналъ, что онъ противъ обыкновенія цѣлый день въ рошѣ пробылъ безъ работы, ходя и разговаривая съ Садорскимъ наединѣ, отославъ отъ себя даже и дежурнаго малаго, котораго должность была ходить за нимъ и который о семъ меня увѣдомилъ. Сіе увѣдомленіе просвѣтило меня, что Садорскій снялъ съ себя маску сыновства и дружбы и явился въ своемъ природномъ видѣ. Подозрѣніе мое было справедливо.

По утру архіерей натоцаеъ, когда я явился въ нему по должности, сѣлъ въ кресло и потирая рукою то чело, то бороду, при томъ краснѣя и чихая, спросилъ-меня такимъ тономъ; изъ-подъ котораго видна была досада его и смятеніе: «какіе у васъ съ Иринархомъ происходили обо мнѣ разговоры?»

— Я не могу припомнить,—отвѣчалъ я:—а ежели что случилось, то мы необыкновеннаго ничего не говорили.

— «А письмо,—возгласилъ архіерей—какое ты показывалъ Иринарху? и какую ты имѣлъ причину вступать съ нимъ въ столь тѣсный союзъ?»

По счастью, нападеніе сдѣлано не въ распахъ: приготовлень будучи замѣчаніемъ, я тотчасъ отвѣчалъ: «письмо я показать не усумнился потому, что въ немъ не было никакого секрета, и мы читали его съ сожалѣніемъ, что другіе архіереи перемѣщаются, а ваше преосвященство останеъ забытыми...»

— «Нѣтъ, неблагодарный,—закричалъ архіерей вскочивши съ креселъ: тебѣ не въ пору меня обманывать! Я тебя увѣрюю архіерейскимъ словомъ, что одинъ тебѣ остался путь къ спасенію, то-есть: ежели ты откроешь всѣ ваши скопы и заговоры».

Я по истинѣ не зналъ и не имѣлъ что ему отерывать, кромѣ того, что мы иногда обнаруживали другъ другу противъ его справедливое свое неудовольствіе. Видно, что Садорскій въ полной мѣрѣ сохранилъ достоинство своей подлой души; видно, что онъ навралъ много небывалицы. Вслѣдствіе сего началъ я его преосвященству кабинетныя нашего тріумвирата дѣла изъяснять безъ трусости тако:

«Я все, что могу припомнить, донесу вашему преосвящен-

ству чистосердечно. Прошу только имѣть терпѣніе меня выслушать».

— «Ври все», крикнулъ лихой владыко.

«Когда въ разговорахъ нашихъ, продолжалъ я, доходило до вашего преосвященства, то мы оба были согласны въ томъ, что ваше преосвященство весьма обидно поступаете съ подчиненными и вмѣстѣ приверженными къ вамъ. Вы ихъ ругаете непрерывно и повсемѣстно, а иногда и ругамъ даете волю, единственно для того, что вамъ такъ угодно, отъ чего натурально подчиненный теряетъ къ вамъ преданность. Притомъ мы сердечно желали, чтобъ ваше преосвященство получили бѣльшей степени епархію для того, чтобъ намъ остаться покойнымъ; но когда увидѣли изъ письма Остолопова, что вы остаетесь у насъ по прежнему, то такая вѣсть нанесла намъ уныніе и мы почли сіе знакомъ божія гнѣва къ намъ. Позвольте ваше преосвященство имѣть подчиненному нѣжныя чувства и не запретите ему чувствовать всю тягость обиды, причиняемой отъ васъ...»

— «Ба! крикнулъ архіерей, да кто тебя научилъ этакому краснорѣчію? а терпѣніе гдѣ?» еще сильнѣе онъ гаркнулъ.

«Да будетъ ли пріятно, — отвѣчалъ я: — вашему преосвященству, чтобъ подчиненные ваши были увѣрены, что они осуждены на терпѣніе единственно для того, что вамъ досталось быть въ Сѣвскѣ? Однакожъ я оправдать себя не смѣю, а прошу меня простить, — и съ симъ словомъ винулся ему въ ноги, безъ чего духовные отнюдь не прощаютъ, говоря при томъ, — «что я всю истину сказалъ, которую, не сомнѣваюсь, подтвердить и Садорскій».

— «А онъ почему знаетъ?» спросилъ лукаво архіерей раскраснѣвшись.

«Онъ, отвѣтствовалъ я чистосердечно, былъ межъ нами второй членъ, да не сомнѣваюсь, что онъ же и смутилъ душу вашего преосвященства по обыкновенію подлыхъ людей, кои хотятъ сыскать для себя счастье на пагубѣ другого».

— «Нѣтъ, сказалъ архіерей, онъ поступилъ какъ честный и благородный человекъ; я ему больше довѣряю, нежели тебѣ; а ты долженъ благодарить его за то, что онъ подалъ случай истребить возрастающее въ тебѣ зло».

Проговоря еще нѣсколько подобныхъ словъ, окончилъ невкусную для меня аудіенцію, а къ себѣ потребовалъ *Садорскій*

которымъ и пробылъ до самаго полудня, не допуская къ себѣ никого.

Послѣ полудня конференцъ-секретарь, ежесть Садорскій, приходитъ ко мнѣ и возглашаетъ: «я твой предатель!» А я ему отвѣчалъ, повторяя архіерейскія слова: «я долженъ тебя благодарить за то, что ты подалъ случай истребить возрастающее во мнѣ зло, которому однакожь не ты ли самъ больше былъ причиною, нежели я?» Онъ началъ пересѣмивать глазами, какъ воръ при уликахъ. Потомъ принялся-было за фразы и силлогизмы, но я сказалъ ему на отрѣзъ, что не хочу ни слушать, ни говорить. Тогда онъ вытащилъ изъ кармана листъ бумаги, на которомъ написано было рукою его, по мыслямъ общими съ архіереємъ, прошеніе отъ имени моего съ объясненіемъ: якобы я предъ Иринархомъ «порицалъ его преосвященство человѣкомъ злымъ, обидчикомъ, лихоимцемъ и проч. И что я, убѣжденъ будучи совѣстію, раскаиваюсь въ моемъ согрѣшеніи и прошу прощенія съ тѣмъ, что уже болѣе никогда вышеписанными именами пзобразать его преосвященство не стану, ни на словахъ, ни на письмѣ, ниже какими іероглифами, ни на пескѣ, ни на водѣ, ни на воздухѣ ни на... словомъ: ни на чемъ, а прошедшее потщусь загладить вѣрною моею службою и приверженностію» и проч.

Сія челобитная тотчасъ была мною, въ угодность архіерею, подписана почти такъ:

«Словесная овца и
«безсловесный рабъ».

Обильная матерія челобитную распространила на третью страницу. По всему видно было, что работали ее двое ученыхъ запершись. Архіерей, получа ее отъ меня лично, съ обыкновенными монастырскими поклонами, положилъ на столъ свою нагаію и велѣлъ мнѣ на ней присягнуть во утверженіе челобитной. Отъ сего времени служилъ я его преосвященству по прежней должности, а онъ противъ меня остался на прежнемъ основаніи, потому что не присягалъ.

Дѣло сіе тѣмъ не кончилось. Преосвященный, подъ видомъ посѣщенія кіевскаго митрополита, поѣхалъ къ нему въ Гамалѣвскій монастырь *). Тамъ, призвавъ Иринарха, взялъ его на ис-

*) Гамалѣвскій пустынно-харлампіевскій Рождества Богородицы, 2-го класса мужской монастырь, бывшій въ кіевской, нынѣ въ черниговской епархіи, находится близъ мѣстечка Воронежа, въ дѣсу подлѣ села Гамалѣвка. Ред.

пытаніе и усовѣщаніе *). Иринархъ—какъ я послѣ отъ него самого слышалъ,—со мною въ рѣчахъ не разбился, поелику «истина всегда бываетъ единогласна». Слѣдственно много открылось лжи на сторонѣ Садорскаго. Какъ бы то ни было, когда я сообщилъ Иринарху, что сіе изслѣдованіе родилось отъ предательства насъ Садорскимъ, то онъ объявленіе мое выслушалъ безъ удивленія и безъ досады; а я столько былъ простъ и увѣренъ въ немъ, что изъ равнодушія его ничего не заключилъ, а только недоволенъ былъ за то, что онъ не сердился на Садорскаго такъ, какъ я.

Съ годъ уже времени спустя, архіерей, при случаѣ наитія на него добраго духа, сказалъ: что Садорскій оклеветалъ меня ему, по соглашенію съ Иринархомъ. Изъ чего я заключаю, но заключаю уже тогда, когда пишу мою исторію, т.-е. тогда, когда мнѣ отъ роду течетъ четвертый десятокъ—что архіерей почиталъ молодость мою за простодушную и неопытную, а Садорскаго и Иринарха за исправныхъ мошенниковъ, кои, можетъ быть, хотѣли что-нибудь извлекать изъ моего простодушія. И ежели преосвященный не болѣе во мнѣ находилъ вины, какъ только неопытную молодость, то, казалось бы, меня надлежало бы наставить, а я всякое добро понимать и его держаться былъ способенъ. Но ежели безъ причинъ ничто не бываетъ, то я слуга покорный новомѣсячію, доставившему мнѣ причину воскликнуть въ горести:

«О всесильная непостижимость! почто ты не сотворила человѣковъ столь крѣпкими какъ скотовъ, для собственнаго ихъ спокойствія, слѣдовательно и блаженства! Но я первый не хочу пользоваться блаженствомъ такого рода, которое нераздѣльно съ природою скота. Итакъ, по волѣ твоей святой, пользуясь существомъ, правомъ и жребіемъ человѣка, имѣя недостатокъ въ воспитаніи, не имѣя помочи отъ истинныхъ, благоразумныхъ и благотворительныхъ друзей человѣчества, выходя самъ собою изъ круга простоты народной, и доходя безъ руководства до лучшаго

*) Въ семь мѣстѣ надлежитъ замѣтить, что архіерей зналъ за собою что-нибудь такое, чего онъ сильно опасался; ибо для такихъ пустяковъ, кои мною выше обнаружены, кажется ему нельзя было столько суетиться и беспокоиться.

политическаго состоянія, пилъ я на семь топкомъ и бодотистомъ пути неоднократно полную чашу горести!»

Въ сію бытность мою въ Гамалѣвскомъ монастырѣ, видѣлъ я въ церкви портреты создателей и снабдителей его деревнями— гетмана и гетманшу Скоропадскихъ. Гетманъ изображенъ нѣсколько сухощавымъ, съ булавою въ рукѣ, а гетманша—пріятнѣйшею, молодою, полновидною, нѣсколько продолговатаго лица, съ хусточкою (платокъ), сложенною въ рукахъ. Оба въ національномъ малороссійскомъ одѣяніи.

А ежели у большихъ особъ ничего не должно пропускать безъ замѣчанія, то скажу, что я могъ замѣтить у нашего хозяина митрополита кіевскаго. Онъ во время обѣда, часто подвигая къ себѣ равныя съ вялою рыбою блюда, провозглашалъ: что, его «мать съ малолѣтства вялою рыбою закармила» и потому онъ до нея великій охотникъ.

Въ продолженіе стола, его святѣйшество опытами удосто- вѣрилъ всѣхъ, что онъ говорилъ сущую правду.

Опороживши нѣсколько тарелокъ съ любимымъ его кушаньемъ, повелъ разговоръ, что онъ, живши долгое время въ Петербургѣ, привыкъ къ тамошнимъ обрядамъ и обыкновеніямъ. А теперь, когда приѣдетъ въ Кіевъ, не знаетъ, что начать: слѣдовать ли малороссійскимъ обыкновеніямъ, или малороссіяне должны принаровляться къ его петербургскимъ ухваткамъ?

Весь, сидѣвшій за столомъ, свято-кіево-митрополитанскій штатъ, приподнявшись благочестно и благоговѣнно, отвѣтствовали, почти въ одно слово, что весь Кіевъ долженъ себѣ за образецъ взять его святѣйшество. Мой принцъ-архіерей вида, что все уже сыграно, заключилъ монологомъ: «ваше преосвященство,—сказалъ онъ,—заслужили уже то у отечества, чтобъ ни въ какомъ случаѣ себя не женировать». Далѣ, сколько я въ митрополита ни вслушивался, ничего отъ него основательнѣе не слышалъ, какъ «разсужденія о пользѣ и преимуществѣ вялой рыбы, и его самого» *).

*) Добрынинъ говоритъ о митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ Гавріилѣ Кременецкомъ. Пожалованъ онъ митрополитомъ кіевскимъ изъ санктпетербургскихъ архіепископовъ—22 сентября 1770 г., скончался 1783 г., августа 8 дня.

По возвращеніи нашсмъ въ Сѣвскъ, Садорскій взялъ верхъ. Отворенъ ему сталь входъ къ архіерею во всякое время.

Я неоднократно въ моей жизни былъ свидѣтелемъ той истины, что ежели человекъ старается всегда повредить другому, то надобно оставить его на произволь судьбы съ симъ несчастнымъ ремесломъ. Онъ произвольно добѣжитъ съ нимъ до участи достойной себя. Сіе случилось и съ Садорскимъ. Онъ, не покидая ремесла, началъ вывѣдывать пѣвчихъ, кои обучалися у него латинскаго языка и дежурили у архіерея, въ чемъ проводить архіерей время чрезъ всѣ 24 часа. Можетъ быть намѣреніе его было и невинно, ежели онъ хотѣлъ собственно для себя занять благой примѣръ. Но я зная, что архіерей великій непріятель такимъ невиннымъ намѣреніямъ, не почелъ за нужное обращать шутовство въ невинность, а объявилъ ему доносъ и доносителя.

Какъ вѣрный бытописецъ, слѣдственно и любитель правды, не долженъ я сердиться, если кто обвинить меня за то, что я согрѣшилъ противъ священнаго закона, который вла за зло воздавать не велить. Впрочемъ, кто знаетъ? можетъ быть, я тогда смотрѣлъ на текстъ, который не запрещаетъ платить тою же мѣрою, какую мы отъ другихъ получили, хотя бы то было «око за око и зубъ за зубъ».

Итакъ, почти въ одну минуту дѣла мои приняли хорошій видъ. Архіерей почелъ меня за вѣрнаго человека, который въ точности наблюдаетъ свою присягу, а Садорскаго за такого, какимъ я—его, а архіерей—меня не задолго предъ симъ признавали.

Садорскій приглашенъ былъ, по частому обыкновенію, къ столу. За столомъ архіерей, по обыкновенію, но сверхъ обыкновеннаго, началъ обнаруживать свой гнѣвъ самымъ жаркимъ, яркимъ, звѣтельнымъ гласомъ, проникающимъ отъ поверхности земной до предѣловъ превыспреннихъ, отъ поверхности земной діаметрально до Америки, просверливая землю и все встрѣчающееся въ ней, не изъясняясь никому, что ему надобно, чего онъ тамъ ищетъ, и кто прогнѣвалъ его смиреніе. Въ такихъ попыхахъ, схватываетъ со стола графинъ съ водою, ударяетъ со всѣхъ силъ объ полъ: графинъ въ мелкія части разбивается, брызги воды въ туманъ обращаются. Громъ по залѣ и потолкамъ раздается.

Садорскій вздрогнулъ на своемъ стулѣ.

— «А ты чего дрожишь, спросилъ его изо всей мочи архіерей: — видно ты чувствуешь свое плутовство? Ты бродяга! Каналья! вонъ изъ-за стола! вонъ изъ зала! вонъ изъ дому! въ метлы его!»!

Такимъ образомъ, его преосвященство самъ разсмотрѣлъ дѣло, самъ написалъ опредѣленіе и самъ исполнилъ, въ одинъ часъ; присутственнымъ мѣстамъ было бы работы на три мѣсяца, не полагая въ сіе число справокъ и аппеляціонныхъ сроковъ. Садорскій выгнанъ изъ дому навсегда. Изгнаніе его въ чувствительнѣйшемъ моемъ сердцѣ не произвело жалости, напротивъ скажу, что оно произвело, къ стыду человѣчества, склонное во мнѣ удовольствіе.

Вскорѣ послѣ сего донесено преосвященному, что собственноручное его росписаніе *) унесено изъ ставленической конторы невѣдомо кѣмъ. Вскорѣ открылось, что это смастерилъ сѣвской воздвиженской церкви дячокъ Захарка, что и дѣйствительно было. Онъ, сорвавши его со стѣны, препроводилъ при своей бумагѣ въ синодъ. Преосвященный приказалъ его взять, посадить въ цѣпь и отдалъ въ солдаты. Къ поступленію съ нимъ такимъ образомъ не трудно было сыскать причину. Онъ былъ гуляка, почти до пьянства, буянъ, лѣтъ ему не было еще 30-ти. Взглянувъ на него, тотчасъ прочитаешь на лбу его: «смерть — копѣйка, голова — наживное дѣло». Какъ бы то ни было, архіерей отдалъ въ солдаты своего доносчика, не дождавшись ничего отъ синода, и тѣмъ съ самаго начала далъ худой видъ своей справедливости и своей невинности.

Въ постъ Филипповъ **) дячка велѣно сенатомъ и синодомъ возвратитъ изъ воинской службы, а преосвященному велѣно, чтобъ онъ далъ въ синодъ объясненіе противъ донесенныхъ на него пунктовъ, изъ коихъ первый былъ — собственноручное предписаніе, второй, собственные взятки. Прочіе же пункты,

*) Росписаніе, о которомъ я упомянулъ въ § XI-мъ. Г. Д.

**) Постъ Филипповъ не потому называется, что Филиппъ — постился, но потому, что начинается сряду послѣ праздника св. апостола Филиппа 15-го ноября (Праздникъ въ честь св. апостола Филиппа 14-го ноября) и въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ я родился и жилъ, больше знаютъ постъ Филипповъ, нежели ноябрь и декабрь; больше употребляютъ названіе дней, нежели названіе мѣсяцевъ и чиселъ, какъ будто они живутъ только 7 дней. Г. Д.

относящіяся къ должностямъ природы, или, какъ говорятъ, слабостямъ человѣческимъ, больше имѣли правдоподобія, нежели доказательства. Однакожь на все надлежало отвѣтствовать, когда уже дошло до вопросовъ.

До сего времени, казался мнѣ преосвященный твердаго и непобѣдимого духа; но по полученіи синодскаго указа, храбрость его уснула. Онъ сдѣлался вдругъ изъ лютаго тигра (котораго я не видывалъ) кроткимъ ягненкомъ, пересталъ клясть Овчинникова, пересталъ проклинать Орловскихъ старовѣровъ, пересталъ бранить членовъ святѣйшаго синода, прекратилъ драки и брань въ церкви и дома. Уныніе и печаль на лицѣ его изобразились. Онъ прибѣгнулъ къ совѣтамъ многихъ законоискусниковъ *), которые, повидимому, худо его обнадеживали, ибо, когда я къ нему, по выходѣ ихъ, входилъ, то находилъ его въ पुщемъ смущеніи и задумчивости. Онъ иногда говаривалъ и къ нѣкоторымъ въ Петербургъ писывалъ, что «не клевета доносчика его тревожить, которая сама по себѣ разсыплется, но то одно съ ногъ его валить, что сѣвскій архіерей подѣ судомъ». По моему же мнѣнію, весьма несносно для человѣка гордаго, когда его допрашиваютъ.

§ XX.

1772-й годъ.

1772-го года февраля 8-го, брата своего и инспектора Трипольскаго отправилъ онъ въ Петербургъ, перваго въ пансіонъ къ профессору Морбаху, а втораго къ преосвященному петербургскому съ рекомендаціею, яко человѣка учившагося въ Кіевѣ латинскаго языка и принявшаго смиренное намѣреніе вступить въ монашество, дабы послѣ достигнуть архіерейской шапки. Ему препоручены были отвѣтныя въ синодъ пункты и просительныя во многимъ по сей матеріи письма.

Трипольскій отписалъ изъ Петербурга, какъ оныя, къ мнѣ приняты и что въ комъ произвели. Объяснилъ, между прочимъ, сколь худо онъ принять синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Чебыше-

*) А законискусники-то въ провинціи кто? Два въ провинціальной канцеляріи секретаря, третій протоколистъ, а четвертый отставной губернской секретарь, славный во всей Бѣлгородской и Орловской губерніи ябедникъ тогдашнихъ времяя, Иванъ Коробовъ.

Г. Д.

вы мѣ, который выговаривалъ ему суровымъ образомъ, что въ Петербургѣ подарки не въ обыкновеніи въ такомъ случаѣ, въ какомъ ему сѣвскій архіерей подносить. «А когда я, пишетъ Трипольскій, усиливался съ просьбою о принятіи ихъ, то онъ закричалъ: «слуги, возьмите это все и выбросьте вонъ съ этимъ докучнымъ человѣкомъ».

«Тогда я,—продолжаетъ коммиссіонеръ:—видя, что хотятъ со мною поступить не въ силу просьбы, подхватилъ ящикъ съ конфектами и проч. и съ пособіемъ слугъ графилъ на извозчика безпрепятственно. Изъ сего ваше преосвященство видите, заключилъ Трипольскій, что мнѣ съ грибами къ нему вызваться было нельзя».

Ежели грибы сіи были ^{мелкими} архіерейские, то тѣмъ-то Трипольскій и худо сдѣлалъ, что не вызвался съ ними прежде.

Какъ бы то ни было, такое увѣдомленіе не порадовало преосвященнаго; но мнѣ оно было не бесполезно, потому что чѣмъ болѣе имѣлъ онъ съ какой стороны непріятныхъ вѣстей, тѣмъ болѣе въ свирѣпаго становился тихимъ и скромнымъ. И онъ довольно могъ бы поправить свое дѣло, еслибы на семъ остановился, ибо синодъ на отвѣтныя его пункты долго молчалъ—какъ будто желая примѣтить, не переѣмнётся ли онъ въ образѣ жизни. А между тѣмъ синодальные члены весьма искренно, благосклонно и прямо братски къ нему писывали, обнадеживая, «что собственноручное его предписаніе не относится въ корыстлюбію, или къ противорѣчію законамъ, но въ истребленію большихъ закрытыхъ взятокъ» и проч.; однакожь отвѣтчикъ не умѣлъ воспользоваться добрыми въ нему синодальныхъ членовъ расположеніями.

Скромность свою чувствовалъ онъ тягостію несною для него; терпѣніе—ненавидѣлъ, какъ природнаго своего врага. Онъ, покрѣпившись съ небольшимъ полгода, свергнулъ съ себя обѣ сіи ноши, которыя для другихъ въ своихъ поученіяхъ называлъ «добродѣтелями, пробивающими дорогу къ вѣчному блаженству».

Онъ началъ гласить съ помощью рюмокъ, стакановъ, чашекъ, что синодъ, не въ силахъ будучи найти резолюцію на премудрыя его отвѣтныя пункты, не знаетъ, чѣмъ рѣшить дѣло. Синодъ, по его мнѣнію, былъ бѣдный судія, которому отъ сѣвскаго архіерея пришло въ тупикъ! Тако ему вѣщающу, часто

возглашалъ: «Кого Богъ хочетъ наказать, у того прежде отниметь умъ, и нечестивый, пришедъ въ бездну золь, нерадити начинаетъ»,—не остерегаяся и не подозрѣвая, въ кому служить сей священный текстъ.

Одобряемъ будучи во всемъ такими знатоками приказныхъ дѣлъ, которые за блаженство почитали, что архіерей раздѣляетъ съ ними кривливую бесѣду, рюмку и стаканъ—пустился во все больше обыкновеннаго и, чѣмъ многлюднѣе случалось у него собраніе, тѣмъ больше распространялся онъ съ ругательствомъ на синодальныхъ членовъ, именуя каждаго выдуманнми имъ прозвищами. Оберъ-прокуроръ Чебышевъ не былъ забытъ въ сихъ поэмѣхъ. Словомъ, онъ возстановилъ и умножилъ прежній безпорядокъ жизни.

Уже синодальные члены, слыша, безъ сомнѣнія, о его поведеніи, перестали къ нему писать и отвѣчать, а онъ, не переставая пить, бранить и бить встрѣчнаго и поперечнаго; бросаясь на нихъ самъ, сдѣлалъ изъ себя человѣка неистоваго больше, нежели былъ прежде.

Сколь такой родъ поведенія былъ ему бесполезенъ, откроется послѣ, а теперь отправляюсь я съ его преосвященствомъ и со всѣмъ штатомъ или клиромъ въ Трубчевскъ, Брянскъ и Карачевъ для обозрѣнія, по долгу званія апостольскаго, «како пребываютъ братіи» и чтобы утвердить ихъ въ правилахъ вѣры, посѣять зерна добродѣтели, гдѣ должно утвердить насажденная, гдѣ можно, служащимъ олтарю съ олтаремъ подѣлиться.

Августа въ первыхъ числахъ (1772 г.) мы выѣхали и прибыли проѣздомъ въ Площанскую богородицкую пустынь.

Благодатная пустынь! Нельзя о тебѣ замолчать! Ты уединяешься въ лѣсу сосновомъ и березовомъ, имѣешь каменную церковь, довольное число келій, хотя деревянныхъ, но покойныхъ и теплыхъ. Написанные на вратахъ твоихъ лики являютъ собою обитателей твоихъ, посвятившихъ себя уединенію, съ намѣреніемъ трудиться для спокойствія душевнаго и для избѣжанія суеты мірскихъ. Ты имѣешь чистѣйшую воду рѣчную и ключевую. Тебя отъ солнечнаго зноя освѣняютъ деревья; тебя же они охраняютъ отъ свирѣпыхъ вѣтровъ. Ты вмѣщаешь въ себѣ до 60-ти человѣкъ, монашествующихъ и бѣльцовъ, именующихся братіями. Твой начальникъ, титулуемый строитель, тѣмъ только

отличаетъ свое начальство отъ рядовыхъ братій, что онъ первый на молитвѣ въ церкви, — гдѣ вечеръ, заутро и полудне благословляютъ Господа, — и первый на работѣ, гдѣ копаютъ, сѣютъ, садятъ и собираютъ плоды. Твоя чада вяжутъ мрежи, работаютъ рѣзцами и другими орудіями. Они подносятъ посѣтителямъ прекрасно сработанныя и обращенныя трудовъ своихъ ложки, блюда, тарелки; сплетенныя искусно разныхъ мѣръ и величинъ корзинки и проч., не требуя за то вознагражденія и не подавая ни малѣйшаго къ тому вида желанія, благодарны отъ всего сердца тѣмъ, что имъ дадутъ. Твой уставъ ведетъ каждаго, посѣщающаго тебя, въ общую трапезу, предлагаетъ ему свой хлѣбъ и все то, что сварено для братьевъ. А для отличнаго гостя начальникъ и братія не опасаются соблазна изготovitъ птицу, а если угодно, такъ и барана; хотя сами строжайше удалены отъ брашенъ сего рода, даже до того, что самыя юныя бѣльцы не соглашались, ни подъ какимъ видомъ, нарушать сей добродѣтели воздержанія. Часы на колокольнѣ опредѣляютъ время, положенное для молитвы и работъ. Притекающіе въ твой храмъ, истинные поклонники, не находятъ въ твоей оградѣ ничего оскорбляющаго чистоту ихъ сердечныхъ расположеній.

Да будетъ слава и честь господину Апраксину, хранящему тебя въ нѣдрахъ своего владѣнія:

Здѣсь услышалъ я исторію, частію отъ самого настоятеля и частію отъ братій и даже отъ послушниковъ, которая, повидимому, всѣхъ ихъ занимала и которую собравши въ одно, выйдетъ слѣдующая!

Въ началѣ временъ сего монастыря или пустыни, былъ въ ней настоятель инокъ Гоасафъ. Онъ, по нѣскольکو-лѣтнемъ сею обителю управленіи, сдалъ ее другому брату, а самъ удалился въ непроходимую пустыню *); тамъ живя многія лѣты, препровождалъ время въ молитвѣ, въ постѣ, въ рукодѣліи келейномъ, рубилъ дрова, носилъ воду, копалъ, сажилъ, сѣялъ. Его при томъ добрый нравъ привлекалъ къ нему много посѣтителей. Многіе, приходя, просили у него постриженія въ монашество, а онъ имъ и не отказывалъ. Сими постриженіями наполнялъ онъ свои любимыя монастыри, или пустыни: Пскованскую, Бѣлобереж-

*) Казалось бы, что это брянскій и карачевскій лѣсъ, называемый Кривою.

скую, Полбинскую, Барщевскую, изъ которыхъ, по всеобщемъ въ Россіи уничтоженіи лишннихъ монастырей, осталась только одна Плоцанская, на собственномъ содержаніи.

Синодъ провѣдалъ о ревностномъ его собираніи словеснаго стада, и неоднократно посылалъ повелѣнія его взять; но святого мужа грѣшнымъ людямъ уловить было трудно. Его многочисленные ученики, подобно разставленной стражѣ, узнавали обо всемъ заблаговременно и наставнику давали время спокойно переходить изъ одного скита въ другой *). Да и самыя тогдашнія правительства, почитая святость его, попускали ему охранять себя; а онъ, между тѣмъ, постригая въ монашество желающихъ, гласилъ: «граждущаго во мнѣ не изжену вонъ». Первенствующій синода членъ, митрополитъ Димитрій Сѣменовъ, видя, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ, возгласилъ нѣбогда: «кто можетъ сказать, что у насъ нѣтъ патриарха? Есть патриархъ, который не боится ни епархіальнаго архіерея, ни синода». А отецъ Іоасафъ, продолжая постоянно принятый имъ образъ жизни, скончалъ благополучно въ пустыни дни свои въ старости маститѣ и погребенъ въ Плоцанской пустынѣ.

Достойно замѣчанія, что сей престогагой — по словамъ его учениковъ — для себя пустынножитель, былъ снисходителенъ для своихъ учениковъ. Онъ имъ говаривалъ: «пейте и ядите, дѣти мои. Бѣсъ никогда ни пьетъ, ни ѣстъ, да народу пакость творить! пейте и ядите во славу Божию; вашъ вѣкъ того требуетъ; но не упивайтесь и не объѣдайтесь, да не возрадуется врагъ нашъ о васъ!»

Мои вѣтренныя тогдашнія лѣта не были любопытны узнать и видѣть его могилу; вмѣсто того я охочь былъ взлѣзть на колокольню, и видѣлъ нечаянно большой колоколъ съ надписью имени сего почтеннаго старца.

Пробывши два дни въ Плоцанскомъ сіонѣ *), выѣхали на третій — въ Трубчевскъ. Въ Трубчевскѣ осматривалъ преосвящен-

*) Скыть — пустынное обиталище, родъ монастыря, только безъ церкви. Г. Д.

*) Человѣкъ обогащенный знаніемъ можетъ сказать: «Сіонъ есть гора въ Іерусалимѣ, на которой стоялъ домъ Давидовъ, а Плоцанская пустыня значитъ: плоскость. Почему же писатель жизни своей называетъ ее сіономъ?» Ну, виноватъ, какъ Кайвъ, а переимѣнять не стану. Г. Д.

ный благочинія въ церквахъ. Мы пробыли въ немъ дней семь безъ скуки.

Чолнскаго монастыря, подвѣдомственнаго Кіевопечерской лаврѣ, отстоящаго отъ города верстъ на 7, игумень Антоній Балабуха, прибывъ къ архипастырю на поклонъ, способенъ былъ умножить удовольствіе на пирахъ трубчевскихъ. А потомъ, запросилъ онъ преосвященнаго со всѣмъ штатомъ и прочими гостями въ свой монастырь *). И тамъ-то дали дѣру всему тому, отъ чего смертный въ жизни бываетъ мертвецки пьянъ! Изъ всѣхъ гостей, гостинныхъ слугъ и архіерейскаго штата, коихъ было всего народа человѣкъ болѣе 40, едвали четвертая часть осталась праведниками. Само по себѣ разумѣется, что моя душа не была въ числѣ первыхъ трехъ частей, ибо авторъ долженъ другихъ только глушить пороками, хотя бы и не было ему противно, на случай надобности, англійское пиво.

На второй день къ вечеру возницы наши разсудили запрягать лошадей, что и побудило къ выѣзду гостей и хозяина, которые не заботились знать, какимъ мановеніемъ вывезены они изъ дома молитвы для доставленія ихъ обратно въ Трубчевскъ.

На пути архіерей, по обыкновенію, остановился со всѣмъ караваномъ, сталъ въ кругѣ всѣхъ и велѣлъ подавать англійское пиво. Потомъ отвернувшись отъ всѣхъ, кромѣ меня, прочъ и пользуясь тишиною и пріятностію ночи, началъ инкогнито обходить всѣ повозки и засматривать въ нихъ.

Продолжая должность страннаго дозора, нашелъ на 60-ти лѣтняго старика, иподіакона Гавріила Антонова, который, обремененъ будучи лѣтами и напитками, лежалъ брюхомъ на повозкѣ, а нижняя половина тѣла висѣла съ повозки, и касаясь слегка земли, опиралась объ нее такъ, что нельзя было отгадать виситъ ли онъ, стоитъ ли онъ или лежитъ? Архіерей, подскоча, ну гвоздить его ногою въ задъ, какъ будто отгадывая загадку.

Старикъ, почувствовавъ привѣтствіе, собралъ силы, встретился, схватилъ архіерея въ охапку. Архіерей покушался вырваться, но старикъ ему доказалъ, что онъ безъ силы въ рукахъ. Они оба подняли шумъ, на который сбѣжались всѣ до единаго,

*) Чолнскій Спасскій Трубчевскій 3-го класса мужской монастырь находится въ Орловской губ., въ восьми верстахъ отъ города Трубчевска. Выстроены монастырь въ XVI ст. однимъ изъ кв. Трубецкихъ. Ред.

и старикъ между тѣмъ разсмотрѣлъ, что онъ имѣеть дѣло съ своимъ владыкою. Вслѣдствіе чего игумень Балабуха, трубчевскій протопопъ, трубчевскій воевода и прочіе духовные и свѣтскіе сановники, принявъ на себя должность судей, кричали всѣ разомъ и порознь и какъ кому пришлось. Иной говорилъ: «бія вѣрна или невѣрна, да извержется»; иной восклицалъ: «его же любить, навазуеть». Свѣтскіе гласили статьи изъ третьей главы военнаго артикула, а архіерей вопилъ: «Князю людей твоихъ да не речеши зла»!

Наконецъ, не отступая отъ большинства голосовъ, соблюдаемаго на всемъ земномъ шарѣ, — можетъ быть потому, что большинство голосовъ имѣеть на своей сторонѣ и большинство рукъ — отдали въ полную и беззащитную волю овцу сильному пастырю; вслѣдствіе чего овца-иподіаконъ повалился ему въ ноги. Приказано ему лезть на большое сухое дерево, стоявшее тутъ же при дорогѣ. И когда старость его съ ослабѣвшими отъ вина силами и съ помощью другихъ вскарабкалась по сучьямъ на высоту, то архіерей велѣлъ ему кричать по-кукушечьи. Странно, забавно было и жалко слышать, или лучше сказать: каждому слышалось по-своему, какъ плачущій старикъ, истончивая басистый свой голосъ, виолончелилъ сквозь слезы: «куку-куку». Ему подладило громогласнымъ смѣхомъ все духовное и свѣтское сумасбродство, отчего чрезъ все время нашего простоя разливалось по лѣсу непрерывное эхо.

Обрядъ выѣзда нашего изъ Трубчевска въ Брянскъ производился по сему же церемоніалу.

§ XXI.

Брянскъ.

Въ Брянскѣ на первый случай остановились въ Свѣнскомъ Новопечерскомъ монастырѣ*), подвѣдомственномъ Киевопечерской лаврѣ, отъ города въ верстахъ 2-хъ, по приглашенію того монастыря начальникомъ, игуменомъ Палладіемъ.

*) Свѣнскимъ называется по рѣкѣ именуемой Свѣвъ. Но простой народъ по-нынѣ называетъ его «Свинскимъ монастыремъ». Монастырь преогромный, богато и выгодно отстроенный — весь каменный, кромѣ настоятельскихъ келій. Бывшій печерскій архимандритъ, Лука Бѣлусовичъ, имѣлъ охоту и воз-

Начавши съ хояина, скажу, что игумень сей былъ чело-
вѣкъ соединяющій въ себѣ духовнаго со свѣтскимъ. Хорошъ
собою, брюнетъ, благообразный, съ лакированными глазами и
чистымъ голосомъ, великій мастеръ шутить и умѣлъ этотъ даръ
употреблять кстати. Его критическій разумъ никого не обижалъ,
напротивъ съ каждаго скучнаго лба сбивалъ морщины и заста-
влялъ смѣяться. Не диковинка, что его всѣ тамошніе дворяне
любили, а можетъ быть — и дворянки. Ярманка тогдашняя, про-
должающаяся тамъ ежегодно въ сентябрѣ, около 4-хъ недѣль,
на которую обыкновенно съѣзжается множество дворянства, умно-
жила торжества архіерейскія.

Потомъ, переѣхали въ Брянскій Петропавловскій монастырь,
подвѣдомственный нашему іерарху, въ которой собралось на
проѣздъ все духовенство, штатскіе, тамошніе чины и нѣсколько
дворянства. Въ продолженіи дней 15-ти архіерей въ монасты-
ряхъ и въ нѣкоторыхъ церквахъ священнодѣйствовалъ, когда
ему заблагоразсудилось. Всякой почти день прошенъ онъ бывалъ
къ знатнѣйшему купечеству на обѣды, куда и слѣдовалъ всегда
въ сопровожденіи немалочисленной свиты.

Въ усугубленіи роскоши, истинный сынъ церкви, старый по-
мѣщикъ Ѡаддей Петровичъ Тютчевъ запросилъ пастыря въ свой
дворянскій домъ, отстоящій отъ Брянска верстъ на 15, со всѣмъ
множествомъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ.

Обозъ или караванъ нашъ состоялъ изъ многочисленныхъ
разноманерныхъ колесницъ, принадлежащихъ людямъ разнаго
состоянія,—архіерею со штатомъ, игуменамъ, протопопу, дво-
рянамъ, чиновникамъ воинскимъ и штатскимъ.

Мы приѣхали къ г. Тютчеву подъ вечеръ. У воротъ его
дома церковь каменная, снаружи хороша, и внутри, какъ мы ви-
дѣли послѣ, украшена не скупою рукою. Двухэтажный домъ, хотя
деревянный, однакожь выгоденъ и огроменъ. Меблированъ бо-
гато и со вкусомъ, и при свѣчахъ показался онъ мнѣ еще ве-

можность, при тогдашнемъ владѣніи деревнями, выстроить его превосходно,
хотя безъ наблюденія орденовъ архитектуры и назвалъ Новопечерскимъ;
а церковь выстроена на копѣт государыни императрицы Елисаветы Пе-
тровны при жизни еще ея величества. Сія чадолюбивая мать—которая цар-
ствованіе у многихъ называется златымъ вѣкомъ — любила свой законъ и
свою церковь, чтла духовенство и уничтожила смертную казнь.

Г. Д.

ликолѣнѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Расположеніе покоевъ, ихъ многочисленность, обои, картины, комоды, шкафы, столики, бюро, — краснаго дерева; все сіе въ надлежащемъ порядкѣ и чистотѣ, а затѣмъ уже слѣдуетъ по порядку: вмѣсто подсвѣчниковъ—шандалы, вмѣсто занавѣсокъ—гардины, вмѣсто зеркалъ и паникадилъ—люстра; вмѣсто утвари—мебель, вмѣсто приборовъ—куверты, вмѣсто всего хорошаго и превосходнаго—«тре біенъ» и «сюпербъ». Вездѣ вмѣсто размѣра — симметрія, вмѣсто серебра — аплике, а слугъ зовутъ «ляке».

Камердинеръ, который былъ въ шелку и въ натяжкѣ, показалъ мнѣ покой, назначенный для архіерея со всѣми принадлежностями.

Архіерей, вопреки своей неутомимости, сказалъ, напившись чаю, что ему надобенъ покой. Раздѣвшись съ помощью моею и возлегши на одръ, сказалъ онъ мнѣ: «посмотри-ка мимоходомъ, чтó нашъ хозяинъ и гости? гдѣ и какъ?»

Я, перешедъ покоя съ три отъ архіерейской спальни, увидѣлъ изъ дверей послѣдней горницы въ залѣ гостей, коихъ было персонъ болѣе 50-ти обоюго пола, сидящихъ за великолѣпнымъ ужиномъ, а въ первомъ мѣстѣ хозяйна въ халатѣ и колпакѣ. Его старость, богатство и дружба гостей давали ему на сію вольность привилегію, несмотря на то, что онъ имѣлъ чинъ выпущеннаго изъ гвардіи армейскаго поручика.

Возвратясь, донесъ я о сіяніи на столѣ хрустала, серебра, о числѣ гостей и о всемъ великолѣпнѣи и чистотѣ, сколько можно было вскользь примѣтить. На досугахъ прибавилъ я, что я видѣлъ нашего хозяина, какъ Юпитера на Олимпѣ въ сонмѣ боговъ и богинь.

«Да каково-жъ эти боги, спросилъ архіерей, нападаютъ на нектаръ и амвросію?»

— «Безъ пощады, отвѣчалъ я; стугъ ложекъ, ножей и вилокъ похожъ на пальбу бѣглымъ огнемъ».

По такомъ, подобномъ сему празднословію, архіерей сказалъ мнѣ напоследокъ: «ну, принимай же свѣчи, поди — оканчивай свое любопытство, какъ тамъ боги ѣдятъ».

Я заспѣлъ подъ вонецъ ужина. Лишь только я сталъ обокъ кресла господина хозяина, какъ онъ оглянулся, схватилъ съ себя колпакъ и вдругъ опять вскинулъ его на голову, соско-

члгъ съ кресель, схватилъ меня обѣручь за плечи, говоря между тѣмъ: «садь, мой другъ, сядь на моемъ мѣстѣ, пожалуй покушай; я вижу, что тебя его преосвященство жалуеть, пожалуй сядь, а я на тебя посмотрю, какъ на преосвященнаго». Отъ сихъ послѣднихъ искреннихъ словъ, ближайшіе гости довольно неосторожно засмѣялись, а я тѣмъ временемъ успѣлъ изъясниться, что я доволенъ буду, когда мнѣ позволено будетъ ~~на~~ эту пору быть на ряду съ вашими офиціантами. «Ну, воля твоя», кончилъ добрый господинъ. При окончаніи стола, онъ выбирая блюда въ кушанья ~~ихъ~~ отдавалъ ихъ слугамъ и приказывалъ, поглядывая на меня: «это его милости».

По окончаніи ужина готовъ уже былъ для меня особый столъ. Кушанья и напитки поставлено было столько, что можно было удовольствоваться двухъ Максиминовъ или четвертую часть Бротонскаго Милона. Слуги предстояли мнѣ тѣмъ порядкомъ, какъ и барину своему. Чѣмъ болѣе я старался держать себя въ надлежащей позиціи, тѣмъ болѣе чувствовалъ ^{жестокость чести} тягостъ чести.

На завтрѣ увѣдомилъ я преосвященнаго обо всемъ. Онъ выслушалъ, очень былъ доволенъ хозяиномъ и мною. Лишь только я вышелъ, чтобы одѣться по формѣ, встрѣтился со мною въ залѣ самъ хозяинъ, въ коротенькой епанечкѣ гишпанскаго покроя малино-цвѣтнаго бархата, на соболяхъ. Онъ спросилъ меня: «можно ли войти къ его преосвященству»? Я отвѣчалъ: «кто смѣетъ въ вашемъ домѣ затворить двери вашему высокородію»? Онъ меня обнялъ и поцѣловалъ, говоря между тѣмъ: «о, мой другъ! ты умный слуга». Приписавъ мнѣ сію честь, явился онъ къ архіерею въ спальню, а я пошелъ одѣваться.

Еще я не причесался, какъ камердинеръ г. Тютчева, пришелъ ко мнѣ, рассказалъ разговоръ своего барина съ моимъ архіереемъ. «По сдѣланіи утренняго привѣтствія баринъ мой—говоритъ камердинеръ:—заговорилъ объ васъ и непрестанно хвалилъ васъ, отдавая притомъ справедливость преосвященному, что онъ васъ выбралъ. А преосвященный отвѣтствовалъ, что онъ не жалѣеть, что сдѣлалъ къ вамъ привычу и что вы, кромѣ другихъ должностей, отправляете у него должность и кабинетнаго секретаря». Я, поблагодаря камердинера за искренній переносъ доброй вѣсти, ничего столько въ продолженіе цѣлаго дня

не слышалъ, какъ только многочисленныя въ разныхъ углахъ дома похвальные о себѣ разговоры.

Уже въ тогдашнія мои лѣта, могъ я дивиться и самъ себя вопрошать: «не съ ума-ль сошли эти люди? за что они меня хвалятъ?» Но съ теченіемъ жизни пришло время, что я не имѣлъ нужды въ подобныхъ случаяхъ вопрошать себя, поелику при-смотрѣлся и видѣлъ, что люди еуть такое созданіе, которое въ одну и ту же пору хвалить, порочить, клевететь съ равно-мѣрнымъ жаромъ, успѣхомъ, основаніемъ, легкомысліемъ; а нерѣдко бываетъ, что и на важныхъ степеняхъ люди бываютъ хвалямы по ихъ степенямъ и счастью, но не по ихъ заслугамъ и достоинствамъ.

Это еще не конецъ. Угодно было року, чтобы похвалилъ меня и капельмейстеръ г. Тютчева, который былъ порокою изъ смоленской шляхты *), росту выше средняго, лѣтъ 30-ти, лицо имѣлъ кругленькое, подобное маетнику стѣнныхъ часовъ. Клубо-подобную его небольшую головку прикрывалъ осыпанный пук-лями ^{капелюш} паричокъ; взглянувъ на него, нельзя было не замѣтить, что онъ самъ собою былъ доволенъ. Таковой манерный капельмей-стеръ, дабы участвовать въ тотъ день во всеобщей матеріи, подступилъ ко мнѣ по-рыцарски, и отведши къ окну, зачалъ со мною дружескую рѣчь.

«Братецъ, — говорилъ онъ: — ты мнѣ полюбился. Я о тебѣ слышалъ много хорошаго; да скажи пожалуй, для чего ты вчера за столь-то не сѣлъ? вѣдь Ѳаддей-то Петровичъ, знаешь-ли какой человекъ? онъ хуже тебя садить съ собою».

Я отвѣчалъ ему, что «въ этомъ не сомнѣваюсь, потому, что я самъ это вчера примѣтилъ изъ послѣдней тарелки». По счастью моему или обоимъ насъ, я говорилъ съ такимъ человекомъ, который на все былъ согласенъ, или изъ вышепроеписанной явлен-ной ко мнѣ любви, или позабылъ, что онъ вчера занималъ за столомъ послѣднюю тарелку.

Въ семь домѣ слышалъ я, какъ вся фамилія Тютчевыхъ — собравшись изъ разныхъ домовъ въ гости — мужчины, женщины, юноши, дѣвицы и малыя дѣти, проклинали память фельдмаршала

*) Въ царствованіе уже Екатерины Великія дворяне Смоленской губерніи привилегированы называться и писаться «дворянами», а до сихъ поръ ихъ называли и писали: «смоленскою шляхтою».

графа Миниха, за то, что онъ, подъ образомъ службы, за собственную будто-бы личную обиду, велѣлъ разстрѣлять полковника Тютчева, — помнится, родного брата нашему гостепріимному—въ царствованіе Анны императрицы.

§ XXII.

Другой Тютчевъ и третій Тютчевъ.

На третій день выѣхали со всею здѣсь бывшею компаніею на обѣдъ къ дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Никифоровичу Тютчеву же. Тутъ приемъ, хотя не столько былъ пышнень, однако соответствующъ генеральскому дому; а ^{тутъ же} имѣлъ еще лучше, что во всемъ была благоразумная умѣренность. Отобѣдавъ, поскакали, почти всемъ соборомъ—кромѣ нѣсколькихъ мало по малу разѣзжавшихся—къ маіору Николаю Андреевичу Тютчеву же, имѣющему домъ и владѣніе свое въ смежности.

Праведное небо! тебѣ единому извѣстно, сколько здѣсь пролито, или лучше сказать, влито англійскаго пива, бишеву, пуншу! Сіе страшное сраженіе началось при самомъ приѣздѣ вечеромъ, и при самой пріятнѣйшей погодѣ въ саду, хотя уже былъ и сентябрь. Самъ хозяинъ прежде всѣхъ доказалъ, что онъ радъ гостямъ. Его повели точно такъ, какъ понесли изъ саду въ спальню, лишеннаго зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Но съ симъ геройскимъ изнеможеніемъ онъ напалъ не на слабыхъ.

Иерархъ, будучи хотя въ томъ же подвигѣ, но еще въ крѣпости силъ, возгремѣлъ на хозяйскихъ слугъ, предстоящихъ ему со всеми принадлежностями гостепріимства, что «баринъ ихъ сдѣлалъ смертнй грѣхъ, уступя преждевременно съ своего мѣста, въ противность всѣхъ регламентовъ, за что и подлежитъ онъ духовному суду».

Игуменъ Палладій и протопопъ брянскій стараясь потушить бѣду, крикнули слугамъ, чтобы они подавали поскорѣе все, что есть въ погребу, какъ можно больше. Весь хоръ гостей аплодировали проектъ. До двухъ тысячъ зажженныхъ плошекъ, и расположенныхъ по саду, по рѣшеткѣ окружающей садъ, и частію на дворѣ имѣли зрителями только слугъ.

Уже въ 10-мъ часу по утру, хозяинъ воскресъ, а преосвященный предъ тѣмъ только-что уснулъ; било три часа по полудни, а преосвященный въ самую пору повоится. Тщетно хозяинъ и многіе изъ гостей навѣдывались и вопрошали о его пробужденіи. Забавно было слышать, какъ всякій изъ нихъ, отходя отъ дверей архіерейской спальни, бурчалъ сморщившись: «пора объдать, четвертый часъ».

Наконецъ, въ началѣ 5-го часа, пробудило преосвященнаго среди самаго покоя нечаянное приключеніе, безъ котораго бы ему не проснуться до полуночи. Онъ кликнулъ меня раза съ три сряду весьма скоропостижно, и очень негромко. Нетрудно было понять, что надобно быть чему-нибудь необыкновенному. Лишь только я показался въ дверь, какъ поразилъ меня неприятный запахъ. Со всевозможною скоростію, сказалъ онъ мнѣ сидя въ постели: «не впускай никого». О проклятое англійское пиво,—подумалъ я въ сердцахъ,—надѣлало ты намъ хлопотъ полонъ носъ! По счастью, преосвященный *Мельничковъ* Но что я говорю: по счастью! Какое тутъ счастье, если они всѣ были *Мельничковъ*? вслѣдствіе чего, я разставилъ караульныхъ съ такою поспѣшностью, какой требовала важность приключенія, съ запрещеніемъ впускаенія въ нашу комнату какого бы то чина и званія кто ни былъ. А между тѣмъ съ перемѣною *Мельничковъ* *), кончили все съ желаемымъ успѣхомъ.

Архіерей, показавшись хозяину и гостямъ, преподаль всѣмъ миръ и благословеніе. Хозяинъ спросилъ по обыкновенію: покойно-ль ночевалъ его преосвященство? Архіерей отвѣчалъ правду, что спалъ спокойно; но само по себѣ вышло лучше, что обь окончаніи сна не случилось вопроса, а то бы архіерею надлежало рѣшиться солгать противъ своего сана, въ коемъ находясь должно всегда говорить правду.

Сію тайну скрывала по днесь непроницаемая завѣса времени. Изъ сего можно заключить, что есть на свѣтѣ великое множество такихъ неизвѣстностей, которыя оставили потомство въ

*) Здѣсь опущено пятнадцать словъ, которыя мы не нашли удобнымъ печатать. Ред.

вѣчномъ о себѣ невѣдѣннѣ, и которыя могли бы быть украше-
ніемъ историческаго пера.

Отобѣдавши при свѣчахъ, простился преосвященный съ хо-
зиномъ, и уѣхалъ, по предназначенію, въ домъ помѣщицы Ма-
рьи Родіоновны Безобразовой, состоящей въ селѣ Морачевѣ,
по пути въ Брянскъ. Тамъ, въ ожиданіи гостя, сдѣлано было
свѣчное освѣщеніе во всѣмъ многочисленнымъ въ покояхъ ок-
намъ.

Гость пріять былъ со всѣми обрядами, приличными его
сану, угощенъ ужиномъ. Отужинавши, расудилъ за благо со-
вершить въ ту же ночь кругъ своего путешествія возвращеніемъ
въ Брянскъ. Но на выѣздѣ изъ села, выскочилъ изъ кареты и
пошелъ въ стоящей тамъ церкви. Я послѣдовалъ за нимъ; а
онъ сѣлъ на обширный ^{каменный} ~~строгий~~ камень и началъ возглашать,
повторяя: «кто здѣсь погребенъ?»

На голосъ прибѣжали: игуменъ Палладій, протопопъ брян-
скій, десятоначальникъ, а потомъ мало-по-малу собрался весь
штатъ.

Протопопъ отвѣчалъ, что здѣсь погребенъ помѣщикъ этого
села г. Безобразовъ. «А, это тотъ, — крикнулъ архіерей, — ко-
торый попа убилъ?»

«Такъ носилась молва» — отвѣчалъ протопопъ, «однакожь по
дѣлу не дойдено».

— «Пой ему анаѣма!» воскликнулъ архіерей.

Весь хоръ пѣвчихъ загремѣлъ «анаѣма», такъ точно, какъ
поютъ въ недѣлю православія, когда проклинаютъ Мазепу, Гришку
Отрепьева и всѣхъ грѣшниковъ, потомъ всѣмъ усопшимъ хри-
стіанамъ вѣчную память, а живущимъ — многая лѣта. Но какъ
все сіе сопровождается было всѣмъ тѣмъ, что случилось въ бу-
тылкахъ и въ погребцахъ, то часто, въ несоблюденіи коман-
дующаго архіерейскаго гласа, пѣли вмѣсто вѣчной памяти — мно-
гая лѣта, а въ мѣсто анаѣмы — вѣчную память.

Такимъ нашимъ порядкомъ простоявши часа съ полтора,
пустились мы, при тихой темнотѣ, прямо въ Брянскъ, и при-
были туда вмѣстѣ съ днемъ.

Напослѣдокъ, наступило время оставить Брянскъ и посѣтить
Карачевъ. Усердное, при напиткахъ, провозжанье брянскими
духовнаго и свѣтскаго чина жителями, причиною было, что намъ

нѣсколько дней сразу запрягали и отпрягали лошадей. Наконецъ мы выѣхали въ почную пору; ибо всякой день для насъ былъ малъ, однако-жъ при колокольномъ въ ближайшихъ церквяхъ звонѣ, которой въ такую пору не меньше походилъ на церемонію, какъ и на тревогу.

Одинъ изъ усердныхъ провожателей, г. маіоръ Петръ Аванасьевичъ Бахтинъ, сѣлъ въ берлинъ съ архіереемъ и игуменомъ Палладіемъ, а мнѣ пришлось сѣсть на его верховую лошадь въ качествѣ предводителя его людей,—коихъ было человекъ съ восемь, обмундированныхъ по-карабинерски, потому что баринъ ихъ служилъ въ карабинерномъ полку, и воспѣвающихъ за мною самыя солдатскія пѣсни:

«Сударушка
 Варварушка,
 Не гнѣвайся на меня
 Что я не былъ у тебя, и проч.»

По переѣздѣ нѣсколькихъ верстъ г. Бахтинъ, высунувшись изъ берлина, кликнулъ меня, повторяя громогласно: «твоя—лошадь! твое—сѣдло! твои—пистолеты!». Принимать подарки было для меня дѣло не новое, почему и не пропустилъ я, подъ громомъ его пѣсенниковъ, салютовать его шляпою.

Потомъ преосвященный далъ ему отпускное свое благословеніе; а онъ, сѣвши на запасную лошадь, отѣхалъ съ миромъ и съ потеряніемъ, какъ я думалъ, лошади съ приборомъ. Но мы съ архіереемъ обманулись. Бахтинъ, въ наступившую зиму будучи у архіерея въ гостяхъ на именинахъ, истребовалъ и отобралъ все деньгами, говоря, что онъ продалъ, а не подарилъ. Отецъ Палладій хотя могъ бы быть свидѣтелемъ подарка или продажи, но его на именинахъ не случилось, къ тому же и по закону для доказательства истины одного свидѣтеля не довольно. Итакъ, г. Бахтинъ получилъ плату за подарокъ. Но ежели подарокъ былъ выпрошенный, то онъ дурнѣе дурной продажи и дурного подарка.

Исторія не должна умолчать, что отецъ Палладій слѣдуетъ за нами повсюду, и присутствіе его съ нами во всѣхъ дворянскихъ домахъ дѣлаетъ всегда всѣмъ удовольствіе. Онъ, не мысля бытъ забавнымъ, никогда безъ новой матеріи въ собраніе не является. Напримѣръ, либо описываетъ печерскихъ со-

борныхъ старцевъ, либо подражаетъ русскимъ бурлакамъ, нѣжинскимъ грекамъ, сельскимъ попамъ, извошникамъ, престарѣлымъ боярамъ, и словомъ: всякой родъ состоянія могъ онъ представлять въ такомъ забавномъ и непринужденномъ видѣ, какъ нельзя лучше.

На границахъ Брянскаго съ Карачевскимъ уѣзда, встрѣтилъ насъ карачевскій протопопъ — ноши сущей — со свѣтильники и съ небольшимъ числомъ священно-и-церковно-служителей, не помню въ какомъ-то седеніи, въ которомъ онъ столько времени дожидался своего архіерея, сколько дней и ночей звонили при провожаніи насъ изъ Брянска.

§ XXIII.

К а р а ч е в ь .

Подъ Карачевъ подѣхали вечеромъ, и остановились при церкви бывшаго Тихонова монастыря, котораго каменное и деревянное строеніе, еще и по уничтоженіи его, въ цѣлости пребывало и часть онаго занята была, повидимому, какою-то казенною складкою. Тутъ прошенъ былъ преосвященный съ дороги на чай отъ нѣсколькихъ дворянъ, ~~штатскихъ~~ дворянъ, штатскихъ чиновниковъ и отъ бывшаго карачевского воеводы, Елисея Алексѣевича Хитрова, отставленнаго — не припомню — за грѣхи, или за дѣла богоугодныя. Помню только, какъ всѣ тогда говорили, что онъ отставленъ не за добродѣтель, — если это говорили люди добродѣтельные.

Сей Елисей, будучи тогда въ компаніи, вызвался къ отцу Палладію — держащему въ рукѣ покаль съ виномъ: «Что, отецъ Палладій! если бы къ этакому винцу, да прежнія монастырскія деревеньки!» — Да! отвѣчалъ отецъ Палладій, подлаживая тѣмъ же тономъ: «если бы къ этакому винцу, да прежняя карачевская воеводская канцелярія!» Весь Карачевъ апплодировалъ громко и Палладію на камилавку наложилъ лавровый вѣнокъ за то, что онъ не зная Хитрова близко, трафилъ въ него какъ въ мишень.

На ночь отѣхали въ Николаевскій одринскій монастырь, отстоящій отъ города верстъ на восемь.

(Продолженіе слѣдуетъ).